

1. КАТЕГОРИЯ «МААТ» В ЕГИПЕТСКОЙ МЫСЛИ ДРЕВНЕГО ЦАРСТВА

1.1. СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ «МААТ» В ЕГИПЕТСКОМ ЯЗЫКЕ: ЭТИМОЛОГИЯ, ИДЕОГРАФИЯ И ОСНОВНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ

Существительное «Маат»(M3't) - в египетском языке⁵ это слово относится к женскому роду - достаточно часто встречается в текстах самого разного содержания и самых разных периодов существования египетской письменной традиции; Древнее царство (2640 - 2160 гг. до н. э.)⁶ в этом плане не составляет исключения. Более того, именно эта историческая эпоха, эпоха первоначального становления и развития древнеегипетской мысли, является одновременно и временем включения данной категории в круг основополагающих понятий египетской духовной культуры.

В настоящее время общепризнанным в египтологии является тот факт, что впервые это слово входит в лексикон египтян в период правления III-IV династий, то есть хронологически примерно совпадает со временем завершения процесса формирования в Египте единого централизованного государства с чётко очерченными функциями его властных структур⁷. Самым ранним из сохранившихся до наших дней памятников, где данное существительное впервые фигурирует в качестве полноценной категории египетской религии и духовной культуры, являются «Тексты пирамид», датируемые правлением V-VIII династий египетских царей".

Трудно не заметить, насколько разнообразно, а порой и вовсе противоречиво переводится слово «Маат» с египетского языка на современные европейские. Для наилучшей ориентации в этом вопросе необходимо, прежде всего, перечислить значения этого слова, приводимые в уже ставшим классическим в англоязычной (и не только) египтологической литературе труде А. Гардинера «Egyptian Grammar» (1957), а именно: «истина», «правда» и «справедливость»⁹. К этим трём основным значениям иногда добавляются и иные. В частности, отечественный специалист М.А. Коростовцев предлагал добавлять

к уже приведённому выше набору значений для «Маат» также ещё и "**порядок**". Именно эти четыре значения и следует считать определяющими, ибо и своей совокупности они наиболее точно отражают все главнейшие характеристики этой категории.

Определив базовый набор смысловых значений Маат, обратимся теперь к её идеографии, тем более, что именно в египетском языке - языке иероглифическом - и, в первую очередь, в языке эпохи Древнего царства - староегипетском языке - идеография имеет немаловажное значение для максимально чёткого определения смысла того или иного понятия.

Для написания слова «Маат» используются четыре знака иероглифического письма, причём один из них - однобуквенная фонограмма *t* (номер X 1 в списке иероглифических знаков Гардинера¹⁰ - изображение хлеба), обозначающая окончание женского рода имён существительных в единственном числе, - является очень распространённым в египетском языке и для нас особого интереса не представляет; мы остановимся более детально на оставшихся трёх.

Первой из них является двухбуквенная фонограмма *m3* (U 1 по классификации Гардинера¹¹) - изображение согнутого серпа или (по другой версии) выполненного в форме серпа носа священной ладьи (*wi3*), часто используемой во время храмовых церемоний; особую роль такая ладья (или барка) играла и в храмовых ритуалах Амуна Фиванского эпохи Нового царства, а также в культуре Ра в Гелиополе (*'Iwnw*). Кроме существительного «Маат» этот знак используется также при написании таких слов, как *m33* («видеть», «смотреть»), *m3'* («быть принесённым в жертву»), *mil* («лев») и ряда других.

На письме знак серпа U 1 в слове «Маат» обыкновенно встречается в сопровождении ещё одной фонограммы - *m3'* (но списку иероглифов Гардинера - Aa 11 12). Этот трёхбуквенный знак может рассматриваться в качестве основного в идеографии Маат. По своему внешнему виду он представляет собой либо сильно вытянутый прямоугольник (в староегипетском языке, в частности, в «Текстах пирамид»), либо трапецию, одна боковая сторона которой является вертикальной, а другая - наклонной (данный вариант написания используется в среднеегипетском и новоегипетском языках). По мнению большинства филологов, он является изображением цоколя или же основания трона - неперменного атрибута царской власти. Подобная связь не случайна: Маат с первых дней своего существования тесно связана с персоной царя и его функциями по сохранению истинного и справедливого миропорядка. Как основание тропа, Маат есть высшее мерило правосудия и остаётся таковой как в мире профанном (то есть в рамках действующего государственном устройстве Египта), так и в мире сакральном - то есть в мире богов.

Наконец, существует ещё один, более редко встречающийся в текстах вариант написания этого существительного - без фонограмм U 1 и Aa 11, по при помощи идеограммы птичьего пера (H 6 в списке Гардинера¹³) с добавлением окончания женского рода единственного числа имён существительных «*t*» (X 1). Такой вариант написания чаще всего встречается в курсивных иероглифических

текстах Нового царства (1552 - 1070 гг, до н.э.) и Позднего периода (1070- 30 гг. до н. э.), включая и созданные в это время копии более древних произведений.

В качестве детерминатива Маат неизменно использовался единственный знак - изображение сидящей па земле женщины с прижатыми к груди коленями и птичьим пером па голове (перо по форме точно соответствует упоминаемуся выше знаку П 6) - С 10 по общепринятой классификации¹¹. Этот детерминатив встречается во всех без исключения египетских надписях, включающих в себя существительное «Маат», начиная с «Текстов пирамид».

Не вызывает сомнений, что Маат уже в эпоху Древнего царства становится довольно абстрактным понятием; об этом же свидетельствует и материал древнеегипетской мифологии¹⁵. В пантеоне Древнего Египта ему соответствовала одноимённая богиня истины и справедливости, изображавшаяся чаще всего без каких-либо антропоморфных черт - символом птичьего пера, и лишь иногда, гораздо реже - и виде женщины со страусовым пером на голове.

Если же говорить более конкретно, то есть о мифологии Древнего царства, то необходимо и первую очередь отметить, что в мифологических концепциях этого периода богиня Маат тесно связана с богом солнца Ра и часто фигурирует в текстах как «дочь Ра» (s3t R').

*Сияет, подобно Ра [...], поднимается Маат позади Ра*¹⁶

так говорится о Маат в «Текстах пирамид». Подобная связь далеко не случайна: она имеет своим следствием важнейшие моменты онтологического и космогонического характера. Ра - самый видный из экспонентов египетской солярной теологии Древнего царства; более того, он является главным объектом наиболее влиятельной теологии этого периода - гелиопольской. Выступая в ней в качестве демиурга, творца всего сущего и его первопричины, он действует как таковой только вместе с Маат, ибо сам процесс сотворения мира не может быть осуществлен без установления в нём истинного и справедливого порядка, основой которого и является Маат. В следующем разделе мы подробно остановимся на этом важном аспекте.

Специфика нашего исследования предполагает, разумеется, обстоятельный и детальный анализ египетских источников, так или иначе относящихся к вынесенной в его заглавие теме. Поэтому здесь будет вполне уместным обратиться к перечислению тех из них, где Маат как самостоятельная категория представлена на первом, самом раннем этапе эволюции египетской мысли - в период Древнего царства. С определённой долей условности все эти тексты можно разделить на две тематические группы: 1) *тексты религиозного и теологического содержания*; 2) *дидактическая литература*. Первая группа является наиболее насыщенной как в количественном, так и в содержательном отношении: сюда относятся уже упоминавшиеся ранее «Тексты пирамид» (V-VI династии), а также космогонические концепции Древнего царства, в первую очередь «Книга познания воссуществований Ра и ниспровержения

Апопа» (папирус Bremner-Rhind) и так называемый «Памятник мемфисской теологии», или «Мемфисский богословский трактат» (Shabaka Stone), принадлежность которого именно к этому периоду, впрочем, вызывает у части современных исследователей большие сомнения; мы, однако, условно включаем этот текст в число источников Древнего царства, так как значительное число его более ранних исследований основывалось именно на таком варианте его датировки.

Вторая группа источников, названная как дидактические произведения, включает в себя дошедшие до наших дней различные «Поучения», среди которых в первую очередь следует назвать «Поучение Птаххотепа» (VI династия).

1.2. ГЕНЕАЛОГИЯ БЫТИЯ И ГЕНЕАЛОГИЯ МОРАЛИ: МААТ В «ТЕКСТАХ ПИРАМИД» И КОСМОГОНИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ ДРЕВНЕГО ЦАРСТВА.

1.2.1. Онтологический аспект: Маат как миропорядок

Из всех египетских источников периода Древнего царства, так или иначе относящихся к теме Маат, наиболее значимым и потому представляющим наибольший интерес для анализа являются, без сомнения, «Тексты пирамид». Значимость этого памятника возрастает ещё больше вследствие того, что именно здесь понятие Маат, возможно, впервые в истории древнеегипетской мысли входит в её лексикон в качестве неотъемлемой его части. Это вхождение основывается на онтологическом фундаменте - категория Маат в «Текстах пирамид» тесно связана с космогонической проблематикой.

Значимость «Текстов пирамид» в общем контексте египетской мысли - факт настолько очевидный, что нет нужды останавливаться здесь на нём более подробно; более уместным будет, пожалуй, предварить наш анализ кратким рассмотрением структуры этого едва ли не древнейшего памятника египетской религии и теологии. Начертанные на стенах погребальных камер царей V-VIII династий, «Тексты пирамид» представляют собой обширный корпус изречений самого разнообразного стиля и содержания, связанных единой целью - обеспечить умершему царю, отождествляемому с Осирисом, безбедное существование в загробном мире. Сэмюэл Мерсер, автор одного из наиболее известных в англоязычной египтологии середины XX века изданий перевода «Текстов пирамид», предлагает, в частности, следующее деление всех заклинаний на тематические группы на основании их сюжетов, и подобный вариант кажется нам если не самым адекватным, то, по крайней мере, одним из таковых:

- погребальный ритуал с приношением даров;
- магические формулы в защиту от бед и несчастий;

- ритуал поклонения;
- религиозные гимны;
- мифические формулы, отождествляющие покойного царя с тем или иным божеством;
- молитвы и мольбы от имени покойного царя;
- прославления величия и могущества покойного царя на небесах (славословия)¹⁷.

Понятие Маат предстаёт здесь как синоним истинного (правильного) миропорядка, установленного богами при творении и являющегося, таким образом, гарантом дальнейшего существования сотворенного универсума. Момент творения мира - важнейшая часть любой космогонической концепции; «Тексты пирамид» не составляют исключения из этого правила.

Примечательно, что космогония «Текстов пирамид», в отличие от других космогонических текстов эпохи Древнего царства, практически не даёт указаний о свойствах, характере и даже (иногда) имени творца мира, делая акцент не на характеристиках самого творца, но на состоянии универсума в момент начала творения:

*Рождён Пепи¹⁸ в Нуне:
не возникло тогда ещё небо, не возникла тогда ещё земля,
не возник тогда ещё Устойчивый (=Утвердившийся), не возникло
тогда ещё
смятение, не возник тогда ещё страх этот из-за ока Хора¹⁹*

Здесь уместно будет ещё раз напомнить, что основная задача «Текстов пирамид» - обеспечить бессмертие покойного царя и его беспечное существование в потустороннем мире. Речь в приведённом фрагменте идёт о времени рождения царя, которое приравнивается (и качественно, и хронологически) ко времени сотворения мира. Его исходный пункт - это Нун (*Nwnw*) - изначальный водный хаос, мировой океан, служащий праосновой всего сущего. Упоминание Ну-на в качестве начальной точки всего процесса творения явно свидетельствует о влиянии на «Тексты пирамид» древнейшей из египетских версий сотворения мира, сформировавшейся на заре Древнего царства в нижнеегипетском городе Гелиополе (*Iwnw*) - главном центре культа Ра (тесную связь которого в мифах с богиней Маат мы уже отмечали ранее).

Итак, бытие мира в Нуне - это абсолютно недифференцированный универсум, изначальный хаос без какого бы то ни было набора координат или рамок. Оно, таким образом, оказывается первичным по отношению ко всем последующим стадиям преобразования мира. Первая из них, упомянутая в нашем тексте - возникновение неба (*pi*) и земли (*v*). Это уже своеобразное установление рамок универсума, начало его постепенного упорядочивания. Далее речь идёт о второй паре свойств создаваемого мира - устойчивости («Устойчивый», *smnti*) и смятении (*hnnw*). Так вводится свойство изменчивости создаваемого универсума, его видоизменяемости. Что же касается последней из перечислен-

ных в отрывке категорий - страха (*snd*), то она стоит в этом перечислении как бы особняком, не имея своей собственной пары. Страх - это уже не физическая, а исключительно человеческая характеристика, но о таком, казалось бы, немаловажном событии, как сотворение человека, фрагмент умалчивает. Впрочем, ответ на этот вопрос даёт ещё одно изречение «Текстов пирамид» аналогичного содержания:

*Рождён Пепи этот отцом своим Атумом.
Не возникло тогда ещё небо, не возникла тогда ещё земля,
не возникли тогда ещё люди, не родились тогда еще боги, не возникла
тогда
ещё смерть²⁰.*

Данный фрагмент, также, как и приведённый выше, нуждается в целом ряде комментариев. Как явствует из первых двух строк, здесь речь, помимо собственно сотворения мира, идёт уже и о демиурге. Отцом покойного царя (и, соответственно, всего мира) объявляется бог Атум - воплощение вечернего (заходящего) Солнца, который наряду с Ра (полуденное Солнце) и Хепри (восходящее Солнце) является одной из трёх ипостасей солнечного божества. Кроме того, здесь упоминаются и такие отсутствующие в первом тексте события, как возникновение людей (*rmtt*), богов (*ntrw*) и смерти (*mt*). На последнем факте следует остановиться особо - ведь отсутствие смерти означает и отсутствие сотворенного универсума как такового, отсутствие рождения мира, ибо всякое рождение с необходимостью имплицитно подразумевает смерть. Рождение мира из первоначального хаоса, его упорядочение, даёт ему жизнь, а, в свою очередь для «сыновей Хора»,

жизнь - это Маат²¹.

Итак, Маат, понимаемая как истинный, правильный миропорядок, есть одновременно и один из факторов творения мира (переход от изначального водного хаоса к упорядоченному пространству), так и своеобразный гарант существования сотворенного универсума (правильность, истинность). Но в качестве таковой Маат-миропорядок нуждается в постоянной поддержке со стороны ныне живущих поколений людей, или, как выражались сами египтяне, «поднимании». Для того, чтобы гармоничный миропорядок, установленный при творении, не прекратил своего существования, он должен поддерживаться, обновляться ежедневно и ежечасно. Главный гарант сохранения Маат на «земле живущих» - это царь, и «Тексты пирамид» неоднократно фиксируют этот очень важный момент:

Установил Унис²² Маат там на месте Исефет²³.

А вот ещё один похожий фрагмент, описывающий созидательную деятельность царя в уже созданном универсуме, представленном рамками земли и неба

(что, несомненно, усиливает смысловую связь этого текста с уже знакомыми нам фрагментами параграфов 1040 и 1466):

Услышали они²¹, что говорит царь: «Поставил я Маат на место Исефет»²⁵.

Оба эти изречения, как нетрудно заметить, объединены, помимо собственно содержания, еще и общим для них обоим существительным *isft* - «беспорядок». Задача царя - сохранить Маат, не дать ей пасть под напором агрессии сил хаоса и тьмы. Смута, мрак, болезни, изначальный хаос - всё это различные ипостаси Исефет, беспорядка. Эта категория выступает, таким образом, в качестве антагониста Маат, прямой противоположности истинного и гармоничного миропорядка, установленного демиургом на месте первоначального хаоса. Как явствует из этих фрагментов, египетская мысль уже в эту раннюю эпоху проводила чёткую параллель между Маат, понимаемой как вселенский сакральный миропорядок, и Маат, являющейся олицетворением существующего государственного строя Египта. Таким образом, вторая ипостась Маат как бы является частным случаем общей мировой гармонии. Эта немаловажная идея получит затем широкое распространение в эпоху Среднего царства (2134 - 1785 гг. до н.э.). Силы тьмы и хаоса постоянно угрожают безопасности Маат, в силу чего царь как основной гарант сохранения Маат на земле Египта наделяется не только колоссальными властными полномочиями, но также и огромной ответственностью, равной которой не несёт на своих плечах ни один член египетского социума. В истории египетской мысли тема Маат постоянно будет связана с темой государственного устройства и государственного управления, и «Тексты пирамид» - лишь первый шаг на этом долгом пути развития. Здесь мы видим только общую установку, так сказать, генеральную линию действий царя по творению и сохранению Маат; практически ничего не говорится ещё ни о конкретных способах достижения этой цели, ни о средствах, могущих быть для этого использованными.

Как было уже отмечено ранее, космогонические идеи, содержащиеся в «Текстах пирамид», - не единственные произведения подобного рода в египетской мысли Древнего царства. Мы вкратце говорили уже о том, что на создание космогонии «Текстов пирамид» заметное влияние оказала гелиопольская теология Ра, в частности, излагаемая в её рамках версия творения мира. В настоящее время есть все основания утверждать, что здесь мы имеем дело с одной из самых древних, если не древнейшей египетской теологической концепцией - следы её влияния, прямые или косвенные, можно обнаружить в подавляющем большинстве религиозных и «светских» текстов периода правления I-VI династий. В силу этого обстоятельства всякое исследование, так или иначе касающееся проблематики египетской мысли Древнего царства, просто не может обойти стороной гелиопольскую теологию - проблема Маат в данном случае не составляет исключения.

Волею судеб сложилось так, что до нашего времени не дошло ни одного религиозного документа эпохи Древнего царства, где бы содержалось полное и

исчерпывающее изложение всей гелиопольской теологической системы. Однако в силу уже указанных обстоятельств, главным образом, благодаря чрезвычайной популярности этого учения в египетской религиозной мысли Древнего царства, не составляет большого труда реконструировать по крайней мере его базовые положения на основе целого ряда сохранившегося до наших дней источников. Первое место по своей значимости среди них занимает, без сомнения, так называемый папирус Бремнер-Ринд (название дано по фамилиям первых двух его владельцев), ныне хранящийся в коллекции Британского музея в Лондоне - собрание пяти религиозных текстов, относящихся к гелиопольской теологической концепции. Сам папирус по времени написания относится к гораздо более поздним годам - тексты, содержащиеся в нём, были переписаны, видимо, не ранее периода правления XXVI династии (664-525 гг. до н.э.), а, по мнению некоторых исследователей, и того позже - в конце IV века до н.э., однако с точки зрения содержания их принадлежность к теологической традиции Древнего царства не вызывает сомнений.

Из всех текстов, содержащихся в папирусе Бремпер-Ринд, самым значимым - как по объёму, так и по содержанию - является изложение гелиопольской версии сотворения мира, названное неизвестным автором *Rh hprw nw R' shr 3pp* - «(Книга) познания воссуществований Ра и ниспровержения Апопа²⁶». Здесь Ра, солнечный бог и творец мира, выступает как Хепри - воплощение восходящего солнца. Начало этого текста, повествующее об этапах творения, представляется нам особенно важным, и мы считаем необходимым привести его здесь полностью:

Это - книга изречений о познании воссуществований Ра и ниспровержении Апопа. Владыка всего (до предела его), говорил он после того, как воссуществовал он:

«Я - тот, кто воссуществовал как Хепри. После того, как воссуществовал я, воссуществовали воссуществования. Воссуществовали все воссуществования после того, как воссуществовал я. В процессе выхождения из рта моего было множество воссуществований. Не воссуществовало тогда ещё небо, и не воссуществовала тогда ещё земля. Не были тогда ещё созданы живые существа и змеи в том месте. Я поднял их там из Нуна ленивыми (=инерт-ными, =вялыми). Не нашёл я там места, где мог бы я встать. Просветлился я в сердце своём, задумал я это в сердце своём. Я один создал всё это. Не выплюнул я тогда ещё бога Шу и не изрыгнул ещё богиню Тефнут, и не воссуществовал тогда ещё никто другой, кто творил бы вместе со мною.»²⁷.

Вначале позволим себе сделать небольшой филологический экскурс. Пожалуй, даже не слишком искущённому в тонкостях египетской грамматики читателю не может не броситься в глаза при знакомстве с этим фрагментом игра трёх однокоренных слов - глагола *hpr* («появляться», «становиться», «воссуществовать»), существительного *hprw* («воссуществования», «формы разли-

тия») и выступающего здесь в качестве имени собственного причастия *Hprj* («Воссуществующий») - имени божества утреннего (восходящего) солнца. Все три слова пишутся при помощи трёхбуквенной фонограммы скарабея *hpr* (L 1 по классификации Гардинера²⁸).

Сама модель творения, как нетрудно заметить, во многом схожа с таковой в уже приводимых нами выше изречениях «Текстов пирамид». При этом здесь, как и там, ключевую функцию при описании этапов создания мира демиургом выполняет глагол *hpr*- «появляться», «воссуществовать». Использование именно этого глагола, а, скажем, не глагола *ms* - «рождаться», преднамеренно лишает процесс изначального творения исключительно антропоморфных признаков, придавая его описанию известную долю абстрактности. Интересно отметить, что первые этапы создания мира, описываемые при помощи этого глагола, предстают в тексте не как собственно сотворение (то есть некое производительное действие), а, скорее, как становление мира, придание ему определённой формы. Кстати, ряд современных египтологов, в частности, Ян Ассман, вообще полагают, что главной особенностью гелиопольской космогонической концепции как раз и является то, что процесс возникновения мира описывается в ней не как творение, а как становление, то есть последовательное развёртывание эманации изначального божества²⁹.

Начало всего сущего - это вновь уже знакомый нам Нун (*Nwnw*), беспредельный водный хаос. Бог-творец являет себя в нём как Хепри, воплощение восходящего солнца, и это тоже не кажется случайным - ведь речь идёт о создании мира, а данная ипостась Солнечного бога как раз и является олицетворением первого, начального этапа движения солнечного диска по небосводу. Кроме того, Хепри, образ восходящего Солнца в облике скарабея, есть одновременно и символ всеобщей изменчивости, которая даёт начало всем преобразованиям создаваемого мира. Ра-Хепри, творец всего сущего, именуется себя *Nb r dr*- «Владыка (всего) до предела (его)», или «Всевладыка». Таким образом, беспредельности Пупа, первобытного мирового океана, как бы противопоставляется столь же неограниченный созидательный потенциал бога-творца.

Нун хаотичен, и в силу этого он является неопределённым, беспорядочным, бесформенным. Первообразы всех вещей физического мира пребывают в нём в состоянии вялости, или инертности (*nniw*). Именно Ра-Хепри вызывает их оттуда к реальному существованию, как бы давая им рождение во вновь создаваемом универсуме - недаром сам он объявляет, что появляется там как «воссуществовавший воссуществованиями». На практике это означает, что демиург, по сути дела, неразрывно связан со своими творениями, - причём связан ещё до их появления на свет. Именно последовательное саморазвёртывание, приводящее, в конце концов, ко всему разнообразию жизненных форм, и есть главный предикат Хепри, без которого он попросту не был бы творцом мира.

Процесс выведения на свет новых воссуществований, или «форм развития» (*hprw*) наш текст определяет как «поднимание» их из Нуна (египетский

глагол ts - «поднимать»). Это уже первый шаг на пути от изначального хаоса к сакрально упорядоченному пространству. Впрочем, сакральность подобного процесса настолько очевидна, что можно было бы и не упоминать о ней - ведь сам процесс творения есть исключительная прерогатива божества.

Упорядочивание Нуна означает начало процесса разграничения пределов создаваемого универсума. Его исходная точка - это появление первобытного холма, первого островка земной тверди посреди хаоса вод. Приводимый фрагмент не указывает прямо на этот шаг демиурга, но содержит косвенное указание на это - речь идёт о том фрагменте воспроизведённого здесь нами текста, где Ра-Хепри заявляет, что не находит в Нуне места, где мог бы встать.

Далее Ра-Хепри повествует (опять-таки в несколько иносказательной форме, а именно как бы предваряя своим монологом реальную хронологию описываемых событий) о том, как создал, выплюнув изо рта, первоначальную пару богов - бога воздуха Шу и богиню влаги Тефнут. Именно они, как следует из уже не вошедшего в наш фрагмент продолжения текста, дали начало следующему поколению божеств (Геб и Нут, Сет и Нефтида, Осирис и Исида, Гор), а затем людям и прочим живым созданиям. Интересно отметить, что богиня Тефнут в более поздние времена, особенно в эпоху Среднего царства, в космогонических концепциях часто сближалась с богиней Маат. В частности, примером такого рода могут служить «Тексты саркофагов», разговор о которых ещё впереди - во второй главе. Однако и в некоторых изречениях «Текстов пирамид» уже заметны признаки подобного тождества двух богинь:

Благодаря богу Шу вместе с богиней Тефнут и Маат [...] выходишь ты из Иуну (=Гелиополя)³⁰.

Сам процесс возникновения мира неразрывно связан в представлениях египтян с проблемой времени. Древнее царство, в частности, гелиопольская космогония, в этом плане не составляет исключения. Для египтянина пора сотворения мира - это всегда своеобразный «золотой век», мифологизированное и потому сакральное прошлое. В египетском языке слово «время» (*rk*) по своему первоначальному смыслу стоит, видимо, ближе к значению «период», «срок», чем к более привычным для нас его абстрактным характеристикам. Такое понимание времени в нашем обыденном сознании имеет место и по сей день, когда мы произносим фразы наподобие «в наше время», «в то время», «ещё не время» и т.п. Вот почему процесс упорядочивания изначально хаотичного мира (или, если угодно, его творения) в глазах египтян может быть легко периодизирован на отдельные эпохи, образующие историю - как сакральную, так и просранныю. В общем виде его можно представить следующим образом:

1. До-существование (Нун)
2. Начало существования: бог-творец (Ра-Хепри или Атум³¹)
3. Первобытная эпоха (Шу и Тефнут)

4.История поколений богов (Геб и Нут, Сет и Нефтида, Осирис и Исида, Хор)

5.История поколений царей (от Менеса - первого летописного царя, почитаемого в качестве прямого наследника Хора, - до нынешнего фараона)

6.Правление ныне царствующего фараона.

Нетрудно догадаться, что периоды с 1 по 5 олицетворяют собой сакрализованное прошлое, а последний есть воплощение обыденной современности (в представлениях египтян очень тесно, впрочем, с этим «золотым веком» связанной).

Теперь посмотрим на выстроенную нами периодизацию иначе - сквозь призму процесса вытеснения изначального хаоса и установления Маат в создаваемом мире. Очевидно, что царствование хаоса может быть отнесено к периодам 1 и 2, окончательное установление Маат на месте Исефет - к третьему периоду, а периоды с 3 по 6 есть эпоха поддержания царствования Маат на земле. Именно из такой строгой последовательности и переходит к ныне живущему царю очень почётная и одна из самых важных его функций - поддержание и сохранение на земле божественного мирового порядка (Маат). Являясь хранителем и защитником Маат на территории Египта, царствующий фараон как бы приобщается к длинной цепи хранителей сакрального и истинного миропорядка, берущей своё начало в изначальные времена первотворения.

Подобная периодизация - если, конечно, такой процесс может быть назван этим словом, - очень хорошо помогает понять саму сущность представлений египтян о времени в целом и о временных рамках их универсума в частности. Среди трёх составляющих времени - прошлого, настоящего и будущего - категория прошлого занимает в мировоззрении египтянина ведущее место в силу своей первостепенной важности. Ведь именно в изначальном прошлом, мифологизированном «золотом веке» имел место факт развёртывания мира из изначального водного хаоса, Нуна. В силу этого обстоятельства другие составляющие временного процесса - настоящее и будущее - как бы лишаются самостоятельного статуса, выступая лишь в качестве продолжения, точнее будет сказать - бесконечного воспроизведения тех рамок существующего мира, которые были раз и навсегда установлены при творении. Такое бесконечное воспроизведение идеалов «золотого века»и есть, между прочим, весьма значимая составляющая процесса сохранения Маат, обязанность по осуществлению которого возложена на царскую персону. Именно в подобной трактовке времени - в почти что беспредельном возвеличивании статуса прошлого на фоне всяческого подчёркивания незначительности настоящего и будущего - можно усматривать корни своеобразного феномена культурно-исторического «консерватизма» египтян эпохи Древнего царства, их неизменной тяге к идеалам минувших времён. Эта модель отношения к категории времени, включающая в себя и некоторые аспекты процедуры «творения Маат», просуществовала в египетской мысли довольно долго - до эпохи Среднего царства, когда в рамках теологической традиции начали вызревать существенные перемены.

1.2.2. Этический компонент: Маат как справедливость

Всё то, что мы говорили о Маат, начиная с первых строк этой главы, относилось в первую очередь к сугубо онтологическим характеристикам этого понятия - имелось в виду понимание под этим словом истинного и гармоничного миропорядка, установленного демиургом на месте изначального хаоса и распространяемого на весь окружающий мир. Именно в этом смысле, повторим, Маат и вошла в лексикон египетской мысли в эпоху Древнего царства. Однако, судя по всему, очень скоро, почти сразу же, у этого понятия появляется второй, не менее важный аспект, условно могущий быть названным этическим. Суть его в том, что Маат, истинный и гармоничный миропорядок, есть еще и миропорядок справедливый. Маат, понимаемая как сакральная справедливость, уже начиная с «Текстов пирамид» становится одной из ключевых категорий египетской религиозной антропологии и связанной с нею идеи загробного суда. Именно этот второй, моральный аспект категории Маат и станет теперь предметом нашего рассмотрения.

Мы уже отмечали вкратце главное предназначение «Текстов пирамид». Этот очень объёмный корпус текстов самого различного стиля и содержания объединен одной целью - даровать умершему царю возможность бессмертия и безбедного существования в загробном мире. Именно на достижение этой цели ориентирована и довольно сложная система египетской религиозной антропологии, основы которой были заложены именно в «Текстах пирамид». Ядро этой концепции - учение о загробном суде Осириса и тесно связанных с ним категориях Ах, Ка и Ба. Отметим здесь, что тема общей специфики египетской религиозной антропологии, как, впрочем, и вопрос о философских характеристиках и взаимоотношениях её базовых составляющих - это огромное поле для многочисленных исследований, отчасти уже проведённых за последние несколько десятков лет как в зарубежной, так и в отечественной египтологической науке³². Именно в силу данного обстоятельства необходимо заметить, что в рамках данной работы мы вовсе не ставим себе задачу специализированного историко-философского анализа базовых положений древнеегипетской религиозной антропологии, а касаемся этой темы лишь исключительно в той степени, в которой она имеет отношение к главному предмету нашего исследования - историко-философскому анализу концепции Маат.

Итак, пожалуй, самая характерная черта этико-антропологической концепции, излагаемой в «Текстах пирамид», - её исключительная «элитарность». Все её положения есть исключительная прерогатива царя и никого более. Только царь имеет право па бессмертие за порогом смерти, ибо

воссиял Пепи этот вместе с Ра в воссиянии своём³³.

Теологическая традиция Древнего царства очень рано закрепила за царём титул «сына Ра» (*s3 R'*); этот титул, начиная с VI династии, включался затем в

титулатуру каждого царствующего фараона на протяжении более чем 1500 лет. Таким образом, положение царя оказывается в равной степени беспрецедентным по своему характеру как на «земле живущих», так и в потустороннем мире. Каковы же причины подобной исключительности?

Во-первых, царь - это единственный из всех живущих, кто обладает не умирающим Ба (*B3*). Впервые этот термин входит в лексикон египетской религиозной антропологии благодаря «Текстам пирамид». Современная египтологическая литература обычно переводит это существительное с египетского как «душа», по применительно к начальному периоду развития египетской теологии - эпохе Древнего царства - такой перевод не кажется нам абсолютно исчерпывающим. Своё вышеуказанное и ставшее уже привычным значение этот термин получил, видимо, несколько позднее, во времена Первого переходного периода (2155-2040 гг. до н. э.) или начала Среднего царства. Что же касается рассматриваемой эпохи, то, по всей видимости, изначальный смысл этой категории был тесно связан с понятием мощи, физического могущества. На этот факт кстати, указывает и то, что и в период Древнего царства, и в последующие времена множественное число существительного Ба - *b3w* - часто использовалось не с, казалось бы, ожидаемым в данном случае значением «души», а в значении «мощь», «могущество». Таким образом, в религиозной антропологии Древнего царства Ба выступает как синоним неумирающего могущества, огромной физической силы царя, которые переходят вместе с ним в загробный мир после его смерти, чего все остальные смертные попросту лишены. Египетская религиозная литература очень рано поставила категорию Ба в тесную связь с физическим обликом человека или бога. В ритуальных текстах эпохи Древнего царства и последующих времён главной функцией Ба называется процедура его проникновения в физическую оболочку тела человека или статуи бога и соединение с ней (этот процесс немецкий египтолог начала двадцатого века Герман Юнкер обозначил термином «вселение», который быстро прижился в современной египтологической литературе). Ба - это в равной степени атрибут как и богов, так и царя, что, собственно говоря, и делает легитимным сакральный характер существования самой царской персоны.

Во-вторых, помимо Ба, царь наделен также ещё и Ка (*K3*) - «двойником». Это своеобразный дубликат могущества царя - как при жизни, так и после смерти, неотделимый от его физической сущности:

Прекрасен Унис вместе со своим Ка, живёт Унис вместе со своим Ка³⁴.

Ка, таким образом, оказывается неотделимым от жизненного процесса. Теология Древнего царства трактует эту категорию как своеобразный источник жизненной силы, энергии, неотделимый от физического тела (*Ht*).

Наконец, в-третьих, умерший царь обладает такой трудно определяемой субстанцией, как Ах (или Аху, *3hw*). Это, наряду с физическим телом (*Xet*), Ба и Ка - четвёртый элемент божественной природы царя:

*Воссуществовал ты, как Аху, находящийся в загробном мире*³⁵.

Часто это существительное переводят с египетского языка как «дух». Подобный вариант перевода, хотя и допустим, но требует целого ряда дополнений. По всей вероятности, это существительное, на письме отображаемое знаком хохлатого ибиса Аху (G 25 по классификации Гардинера³⁶), является однокоренным словом с глаголом Ах - «быть благотворным», «быть просветленным». Этот глагол, кстати, уже встречался нам в рассказе о сотворении мира, излагаемом в папирусе Бремнер-Ринд («Книга познания воссуществований Ра»). В силу этого обстоятельства категория Ах, или Аху, служит также для обозначения созидательного потенциала человека (применительно к теологии Древнего царства - исключительно фараона), его творческой силы. Ах, которым наделяется умерший царь, как бы отождествляет его с просветлённой созидательной силой бога-творца, с которым тот соединяется в потустороннем мире. Ах - это уже исключительная принадлежность загробного мира, в силу своего особого созидательно-сакрального характера могущая быть приписанной в качестве предиката только лишь умершему. Об этом свидетельствуют многочисленные ритуальные осирические тексты различных эпох, в которых говорится о подношении даров «просветлённым умершим».

Итак, царь, наделённый, помимо своего физического тела, еще и такими мощными сакральными сущностями, как *Ба*, *Ка* и *Ах*, не умирает после своей физической смерти. Он продолжает жить особым образом, и на этом примере хорошо просматриваются представления египетской религиозной антропологии о характере смерти (*mt*). В глазах египтянина не жизнь является лишь кратковременной стадией человеческого развития, служащей как бы преддверием существования в загробном мире, по, наоборот, смерть есть не что иное, как продолжение жизни. Эта идея, впервые появившаяся опять-таки в «Текстах пирамид», становится краеугольным камнем всей осирической религии;

*Привязанность (= место сердца) Униса - среди живущих в земле этой на срок вечности и бесконечности*³⁷.

Здесь мы подходим, пожалуй, к наиболее значимому для нашего анализа положению. Итак, царь обладает бессмертием и за порогом смерти, но - и это самое важное - *бессмертие не является безусловным даром даже для царя*. Прежде чем получить бессмертие в загробном мире, его необходимо заслужить своими делами в земной жизни, и тут на первый план вновь выходит понятие Маат:

*«Велика справедливость, и превосходство её непоколебимо. Неизменна она со времён Осириса, и карают преступающего законы»*³⁸ -

такими словами описывается Маат в «Поучении Птаххотепа», одном из на-

ибо более известных дидактических текстов Древнего царства. Маат, истинный и гармоничный миропорядок, есть ещё и миропорядок справедливый - именно таким образом категория Маат уже в эпоху Древнего царства приобретает ярко выраженную этическую окраску. Ян Ассман, рассматривая эту проблему в своей монографии о Маат, указывает в этой связи на необходимость строгого различения формул «справедливость как миропорядок» и «миропорядок как справедливость». Если первая из них применима, по его мнению, к особенностям античного (главным образом, греческого) мировосприятия, то вторая выражает сугубо египетское представление, способное вызреть и сформироваться исключительно и египетской культурной среде³⁹.

Главным мерилom благочестия, своеобразной «этической инстанцией» в глазах египтян всегда выступает суд Осириса - бога загробного мира и производительных сил природы. Вердикт его далеко не всегда может оказаться для умершего благоприятным. Подобная участь ожидания вынесения приговора ожидает и царя, который предстаёт перед судом Осириса и весами справедливости, олицетворяющими Маат:

*Выходит Унис в день этот, приносит он Маат с собой*⁴⁰.

«Выход в день» (*pr t hrw*) - формула, очень характерная для всей древнеегипетской заупокойной литературы; она обозначает возрождение к новой жизни на «полях Осириса», олицетворяющих собою всю полноту загробного мира. В сопровождении богов царь торжественно шествует в зал суда, ибо

*язык Пепи этого - в Маат*⁴¹,

и

*ноги (= сандалии) Мерире этого - в Маат*⁴³.

В роли главного ответчика на суде Осириса обыкновенно выступает сердце (*ib*) - главное средоточие чувств и мыслей умершего царя. Именно оно кладётся на одну чашу весов справедливости, изображения которых часто встречаются в египетской заупокойной литературе разных эпох. На вторую чашу водружается страусовое перо - символ Маат, божественной справедливости:

*Вышел Унис к Маат, взял он её себе*⁴⁴.

Конечно же, совершенно очевидно, что применительно к царской персоне (по крайней мере, согласно «Текстам пирамид») вердикт высшего судилища неизменно оказывается положительным. Умерший царь, получивший решением божественного суда право на вечную жизнь, получает от него также и совершенно новый титул - *m3' hrw* - буквально «правоголосый» или «правдивый голосом», то есть тот, кто делает правдивые (истинные) высказывания. Отныне именно с этим титулом он будет вечно пребывать на «полях Осириса»:

*Правдив голосом Пени этот, правдив голосом Ка Пени этого*⁴⁵.

Итак, царь объявляется бессмертным и *маа херу* благодаря своим усилиям по поддержанию Маат в своей земной жизни. Теперь боги имеют полное право заявить ему:

*Собрал ты Маат к Маат*⁴⁶ -

то есть покойный царь представляет на суд Осириса, так сказать, всю свою летопись праведных поступков. Впрочем, необходимо отметить, что в древнеегипетской мысли эпохи Древнего царства - по крайней мере, в сохранившихся до нашего времени источниках - мы практически не находим более или менее систематизированного перечня (или списка) тех деяний, благодаря которым царь может стать *маа херу*. Поэтому применительно к данной эпохе можно делать только выводы самого общего характера. Ясно, что неперенным условием для вынесения положительного вердикта судом Осириса является процедура «творения Маат», осуществляемая царём на протяжении всего срока своего правления. Почти наверняка в число обязанностей царствующего фараона по сохранению Маат входила его борьба с врагами государства (прежде всего внешними), и «Тексты пирамид» дают нам косвенные свидетельства этого факта:

*Не правы голосом враги Пени*⁴⁷.

Египетская теология очень рано начинает проводить тесную взаимосвязь между категорией *маа херу* (то есть обозначением человека, получившего право на бессмертие благодаря праведному поведению в земной жизни) и категорией «имени» (*in*). Имя человека в глазах египтян - это сам человек, оно рождается и умирает вместе с ним. Не случайно, скажем, царская титулатура занимает столь значимое место в общей системе египетской религии. «Тексты пирамид» как один из древнейших, если не самый древний из сохранившихся до нашего времени памятник египетской теологической традиции, тут не составляют исключения:

*Прекрасен Пени этот вместе с именем своим*⁴⁸.

В целом, однако, складывается впечатление, что в рассматриваемую нами историческую эпоху (то есть время правления первых шести династий) морально-нравственный компонент Маат, то есть трактовка её как сакральной справедливости, находится в лишь в начальном состоянии. Возможно, такое относительно медленное развитие (в сравнении с онтологическим аспектом Маат возникшим, напомним, примерно в то же самое время) связано именно с отмеченной нами «элитарностью» всей религиозной антропологии Древнего

царства. Это, однако, совсем не означает, что этический компонент Маат вовсе отсутствовал в обыденном сознании египтян той эпохи; указанием на его наличие служит дошедшая до нашего времени дидактическая литература, в частности, уже упоминавшееся «Поучение Птаххотепа». Наконец, не следует забывать, что всё же весьма значительная (по сравнению с более поздними эпохами) ограниченность подлинных источников, сохранившихся от этого периода, объективно не позволяет провести детальный анализ представлений простых египтян Древнего царства о сущностных характеристиках Маат как справедливости.

1.3. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ: МААТ И СОЛЯРНАЯ ТЕОЛОГИЯ ДРЕВНЕГО ЦАРСТВА

Давно общепризнанным является факт, что понятие Маат в эпоху Древнего царства наибольшее распространение получает в период правления V-VI династий (2465 -2160 гг. до н.э.). Об этом свидетельствует хотя бы то, что именно к данному времени относится создание таких хорошо известных памятников египетской мысли, как «Тексты пирамид» и «Поучение Птаххотепа». Кроме того, в это же самое время в Египте получают очень широкое распространение культы богов Солнца, прежде всего Ра; отсюда естественным образом возникает мысль о том, что эти два исторических факта как-то связаны между собой.

Фараоны V династии - Усеркаф, Сахура, Нефериркара, Ниусерра, Менкаутор, Джедкара и Унис - отказываются от строительства грандиозных усыпальниц наподобие тех, что строили их предшественники из IV династии. Их пирамиды становятся гораздо меньшими по размерам, однако именно в их погребальных камерах впервые появляются высеченные на стенах и сводах сборники религиозных текстов - «Тексты пирамид». Эта традиция была продолжена и царями следующей, VI династии. Кроме того, четвёртый царь V династии Ниусерра (2420 - 2396 гг. до н. э.) возводит, помимо своей гробницы в Саккаре, ещё и большой солнечный храм в Абусире. Впрочем, традиция возведения солнечных храмов, как и тяготение царей к культу Ра, восходит ещё к первому царю этой династии Усеркафу (2465-2458 гг. до н. э.), который, судя по целому ряду свидетельств, до восшествия на престол занимал должность верховного жреца храма Ра в Гелиополе (Иуну).

Начиная с конца V династии, гелиопольская солярная теология становится, по-видимому, доминирующей теологической концепцией Египта. Цари следующей, VI, династии - Тети, Усеркара, Пиопи I, Меренре I, Пиопи II, Меренре II - уже включают в свою официальную титулатуру титул «сына Ра» (об этом факте мы уже упоминали ранее). Одновременно с нововведениями в царс-

кой титулатуре теологическая традиция времен правления V- VI династий начинает делать особый акцент на богине Маат как на «дочери Ра», сближая ее, таким образом, с царской персоной в свете их общей генетической связи с Ра.

Мы уже упоминали вкратце, что в египетской религии и теологии Древнего царства выделялись три ипостаси солнечного божества, причём Ра является только одной из них, олицетворяющей высокое (полуденное) Солнце; двумя другими являются Хепри и Атум - соответственно воплощения утреннего (восходящего) и вечернего (заходящего) Солнца. Вопрос об иерархии между этими ипостасями представляется достаточно сложным. С формальной точки зрения, Ра, выступающий в качестве небесного отца царствующего фараона, должен был бы занимать среди них главенствующее положение, однако подобных указаний мы практически не находим ни в одном из источников этого периода. Более того, в гелиопольской солярной космогонии Ра, объявляющий себя творцом всего сущего, выступает в роли демиурга как Хепри, а не под своим собственным именем. Три ипостаси Солнечного бога олицетворяют собой три фазы в ежедневном движении солнечного диска по небосводу, и вполне логично, что именно Хепри - воплощение начального этапа этого процесса, олицетворённого и образе восходящего солнца, - выступает также и как первопричина, и как творец мира. Наконец, Атум, воплощение заходящего Солнца, также упоминается в ряде источников в качестве творца мира (вспомним здесь хотя бы уже цитированное в разделе 1.2.1. заклинание № 1466 из «Текстов пирамид», посвященное рождению царя).

Исходя из всего вышесказанного, можно, скорее, сделать вывод о том, что для самих египтян вопрос о первенстве той или иной ипостаси Солнечного бога вообще не стоял как таковой. Ведь подобно тому, как все три божества олицетворяют собой три последовательные стадии движения Солнца по небосводу, таким же образом можно рассматривать эти три воплощения как три последовательные (и взаимосвязанные) фазы единого процесса творения. Хепри (имя которого, напомним ещё раз, в переводе с египетского буквально означает «Воссуществующий», или «Появляющийся»), есть воплощение первого, начального этапа создания мира - установления порядка на месте первоначального водного хаоса. Ра, воплощение полуденного Солнца (кстати, в египетском языке существительное га в том случае, если оно не является собственным именем бога, означает «день») - это олицетворение апогея творения, победы сил созидательного порядка (Маат) над силами хаоса и мрака (Исефет). Наконец, Атум, образ вечернего (заходящего) Солнца, имя собственное которого происходит от глагола *tm* - «быть завершённым», «завершаться» - олицетворяет собой конец, завершение процесса творения мира, имевшего место в изначальном прошлом и ежедневно воспроизводящегося в движении солнечного диска по небосводу, К слову сказать, на имеющихся изображениях этой солнечной триады Атум обыкновенно изображается с белой короной Осириса на голове, тогда как Ра несёт на себе солнечный диск, а Хепри - символ священного скарабея. Схематически эту модель можно выразить следующим образом:

<i>Бог</i>	<i>Время суток</i>	<i>Действие</i>
Хепри	Утро	Становление
Ра	День	Упорядочивание
Атум	Вечер	Завершение

Если принять подобную точку зрения за основу, становится понятной такая тесная взаимосвязь Маат именно с Ра среди всех трёх ипостасей солнечного божества. Солнце, находящееся в высшей точке своего движения по небу, как бы символизирует победу над силами тьмы и беспорядка, но эта победа не является окончательной - на смену Ра приходит Атум, теснимый ночной тьмой, и процесс борьбы Маат с агрессией сил хаоса и мрака вынужден продолжаться снова и снова. Именно здесь нужно искать корпи представлений теологии Древнего царства о постоянной необходимости поддержания Маат, сохранения её на земле. Концовка одного из плохо сохранившихся изречений «Текстов пирамид» (начало фразы сильно повреждено и не поддается прочтению) выглядит следующим образом:

..Маат в полдень⁴⁹.

Бытие мира в глазах египтянина выглядит поэтому в первую очередь не как статичная констатация факта, а как процесс. Совершенно очевидно, что закреплению подобной точки зрения уже в эпоху Древнего царства способствовала именно гелиопольская солярная теология. Вспомним, что в «Книге познания воссуществований Ра» (папирус Бремпер-Ринд из Британского музея) процесс возникновения мира рисуется как непрерывный процесс развёртывания (точнее, выделения из материи демиурга) новых «воссуществований», или «форм развития» (*hprw*). Аналогичную картину мы видим и в «Памятнике мемфисской теологии», где Птах, верховный бог Мемфиса, выступающий в роли демиурга, с помощью божественного слова творит, выделяя из себя, первую пару богов - Шу и Тефнут, а затем и остальные вещи тварного мира.

Так вырисовывается своеобразный двойственный характер египетской космографии: с одной стороны постоянная изменчивость, текучесть, процессуальность бытия мира, с другой - столь же неизменная ориентация при этом на воспроизведение идеалов времени первотворения. Любое описание мира (и в том числе Маат как истинного и справедливого порядка, этот мир охватывающего) для египтянина всегда процессуально, оно не может быть статичным. В рамках подобной картины мира тезис о том, что Маат как истинный и справедливый миропорядок постоянно нуждается в поддержке со стороны людей, ныне живущих в этом мире, кажется гораздо более естественным и закономерным, нежели, скажем, гипотетические представления о его вечной неизменности, независимой от характера действий богов и человека.

Впрочем, здесь может возникнуть вполне закономерный вопрос: как же в таком случае, если представления египтян Древнего царства о Маат основывались прежде всего на ее включённость в смысловое поле солярной теологии, эта категория стала также и одной из центральных в осирической теологии и антропологии? Ответ на него может дать один текст мистического содержания, написанный, правда, в более позднюю эпоху (около 1400 г. до н.э., а, возможно, и ещё позднее), но по своей смысловой направленности явно ориентированный на гелиопольскую теологическую концепцию:

*«Это - великое таинство, это Ра и Осирис. Кто раскроет это, умрёт насильственной смертью.»*⁵⁰

Этот фрагмент, явно указывающий на идею сущностного тождества двух богов/бывшую, видимо, одним из секретов мистической теологии, показывает тесную взаимосвязь между космографией (как, впрочем, и космологией) египтян и их представлениями о природе человека и загробном суде. Вот почему богиня Маат, дочь Ра, столь же часто изображалась и рядом с тронном Осириса в папирусах, содержащих изображения загробного суда. Очень показателен в этом отношении следующий пример: в одной из второстепенных версий текста «Книги познания воссуществований Ра» бог-творец заявляет, что его имя - это Осирис, и он является создателем всех своих «воссуществований» (*hprw*).

Следовательно, как Ра, так и Осирис могут в равной степени выступать в качестве «владыки Маат», то есть высшей «этической инстанции». При этом оба бога ни в коей мере не противопоставляются друг другу в своём могуществе, но, напротив, один из них как бы является дополнением другого, и наоборот. Тексты более позднего времени идут в этом направлении ещё дальше, прямо указывая на Осириса как на *Ба* бога Ра и на гармоничный характер их совместного действия. Это показывает, до какой степени тесно переплетаются онтологический и этический компоненты Маат на ранних стадиях эволюции этой категории. Солярная теология Древнего царства оказывается, таким образом, непосредственно связанной и с осирической религией. Вспомним, например, что в египетской заупокойной литературе сам процесс вхождения умершего во владения Осириса (на его суд) и последующего его воскресения именуется «выходом в день» (*pr m hrw*), а ведь день (полдень) есть не что иное, как воплощение полуденного Солнца, то есть Ра. В египетском языке, кстати, существительные *г'* и *hrw* синонимичны и имеют одинаковое значение - «день».

В рамках той картины мира, которую рисует египетская мысль эпохи Древнего царства, возможно, попросту не было никакой необходимости в чётком приписывании функций «этической инстанции» только лишь кому-нибудь одному из этой пары богов. Зачастую такая расплывчатость границ не позволяет четко отделить онтологический компонент Маат от этического

(тем более что последний, как мы отмечали, в египетской мысли периода Древнего царства вообще находится только в самой начальной, практически зачаточной фазе своего развития - не имея пока ни своих ясно очерченных рамок, ни подробной детализации). Кроме того, не следует сбрасывать со счетов и тот факт, что этический компонент Маат в эпоху Древнего царства являлся, по сути дела достоянием лишь одного члена социума - царя, тогда как онтологическая составляющая Маат уже тогда была неотъемлемой частью обыденного сознания рядовых египтян. Сама процедура «творения Маат» также была исключительной прерогативой фараона (как в рамках установок солярной теологии, так и в осирической концепции).

Исключительное право царя на обладание возможностью «творения Маат» в немалой степени обуславливает отсутствие в египетской духовной культуре Древнего царства специфических развёрнутых учений о добродетели. Вся дидактическая литература эпохи Древнего царства (причём весьма многочисленная, как мы можем судить, литература) - «Поучение Имхотепа» (полностью не сохранилось), «Поучение Птаххотепа», жизнеописания вельмож и другие тексты - это не *литература благочестия*, а *литература премудрости*. Здесь в изобилии представлено изложение житейской мудрости, правил поведения в определённых жизненных условиях и ситуациях, но нет критериев *благочестия* как такового. Ясно, что поскольку правом быть непосредственно причастным к Маат владеет только царь, то и истинным благочестием опять-таки может быть наделён только он один, и никто другой. Не исключено, что подобное положение дел стало одной из причин резкого ослабления устойчивости властных структур Египта конца VI династии, в конечном счете, вылившегося в общий культурный и политический кризис Древнего царства.

Обстановка политической, а, возможно, ещё и экономической нестабильности, которая не могла не затронуть и развивавшиеся в то время теологические концепции, прежде всего гелиопольскую солярную теологию, охватила Египет, по-видимому, после окончания долгого (девятидесятичетырёхлет-иего!) правления пятого царя VI династии Пиопи (Пепи) II (2254 - 2160 гг. до н. э.). Легитимизация действий царской власти, осуществлявшаяся в том числе и посредством Маат, к концу правления VI династии начинает терять свою твёрдую основу. Историки чаще всего усматривают причины подобной дестабилизации в усилении позиций номовой знати; вполне вероятно, что это утверждение соответствует истине, однако нас более всего интересует в этой истории другой факт, и это факт не собственно исторического, а историко-религиозного (или, если угодно, историко-дискурсивного) свойства. Дело в том, что как раз к этому периоду относятся первые надписи из гробниц вельмож и номархов, в которых умерший прямо отождествляет себя с Осирисом. Этот неслыханный по своей дерзости (если руководствоваться при его оценке прежними мерками) шаг вступает в резкое противоречие с осирической установкой «Текстов пирамид», согласно которой правом становиться Осирисом после своей смерти обладает только царь. Частая смена правящих монархов

(и династий) ещё более дестабилизирует и без того нарушенный ритм работы социально-государственного аппарата. На фоне постепенной «девальвации» авторитета гелиопольской солярной теологии в недрах осирической религии также вызревают серьёзные изменения. Около 2100 г. до н. э. египетская духовная культура подходит к новому, качественно иному рубежу.